

Зарождение абхазской интеллигенции в начале XIX века

И. Х. Дамения

ООО «Издательство "Юридический центр"»,
г. Санкт-Петербург
damenia@rambler.ru

Аннотация

В статье проанализированы условия возникновения и становления абхазской интеллигенции. Показано, что необходимым условием развития интеллигенции явились политические, экономические, социальные и духовные факторы развития абхазского общества в XIX в. Первоначально абхазская интеллигенция была дворянская. Абхазы, выходцы из дворянских семей, выезжавшие на обучение за пределы Абхазии, включались в процессы межкультурного взаимодействия. Главной особенностью формирования абхазской интеллигенции было растущее публичное влияние на абхазское общество. Первые ее представители в области истории и образования – Николай Шакрыл и Соломон Званба.

Ключевые слова:

абхазская интеллигенция, дворянство, владетельные князья Абхазии, владетельный князь, Российское государство

Интеллигенция – это профессиональная группа людей, которая может принадлежать к различным социальным группам и политическим движениям, но имеет общую духовно-нравственную основу. Существует большое количество тезисов и мнений по определению данного понятия, каждое из которых дает справедливую оценку и полную характеристику интеллигента и интеллигенции в целом.

Первоисточником слова «интеллигенция» является греческое слово «*noesis*» – сознание, понимание их высшей степени. На латинском языке «*intelligentia*» – понимание, познавательная сила, знание. Словарь С. И. Ожегова определяет «интеллигенцию» как «людей умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры; общественный слой людей, занимающихся таким трудом» [1]. По мнению В. Даля, «интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [2].

Генезис слова «интеллигенция» (*intelligence/Intelligence*) относится к 1830-м гг. во Франции, к 1848 г. ко времени революции в Германии, к 1860-м гг. в Российской империи. Термин «интеллигенция» стал обозначением общественной группы людей, являвшихся главными носителями «интеллектуальной способности». XIX век харак-

The emergence of the Abkhazian intelligentsia in the early XIX century

I. Kh. Damenia

LLC «Publishing House «Law Center»,
St. Petersburg
damenia@rambler.ru

Abstract

The paper analyzes the conditions of the emergence and formation of the Abkhazian intelligentsia. It is shown that political, economic, social and spiritual factors of the development of the Abkhazian society in the XIX century were a necessary condition for the development of the intelligentsia. Initially, the Abkhaz intelligentsia was noble. Abkhazians, who came from noble families who went to study outside Abkhazia, were involved in the processes of intercultural interaction. The main feature of the formation of the Abkhaz intelligentsia was the growing public influence on the Abkhaz society. Its first representatives in the field of history and education were Nikolai Shakryl and Solomon Zvanba.

Keywords:

Abkhazian intelligentsia, nobility, sovereign princes of Abkhazia, sovereign prince, Russian State

теризуется развитием капиталистических отношений. Это было время, когда совершенствование производительных сил общества ставило требования в развитии образования и науки. По оценкам исследователей, могущественное государство, каким являлась Российская империя, нуждалось в образованных людях, которые смогли бы служить на различных должностях по всей территории империи [3]. Это и стало основным двигателем формирования интеллигенции. По мнению В. И. Ленина, к интеллигенции следует относить всех образованных людей, представителей свободных профессий, всех представителей умственного труда «в отличие от представителей труда физического» [4, с. 309].

В Абхазии термин «интеллигенция» получил распространение с середины XIX в. С этим обстоятельством следует связывать политические, экономические, социальные и духовные факторы развития абхазского общества. Исследователь истории формирования абхазской интеллигенции Г. А. Дзидзария указывал, что исходным моментом этого процесса было начало XIX в., которое связало судьбу абхазского народа, как и многих других народов, с Россией. Далее он отмечает: «Плодотворное влияние русской культуры во взаимодействии с местными культурными традициями было решающим специфическим

фактором образования дореволюционной абхазской интеллигенции, развития передовой общественно-политической мысли края. Мы уже не говорим о значении в этом процессе факта вовлечения края в орбиту всероссийского рынка. Здесь, как и в других областях Закавказья, происходило формирование капиталистического уклада, особенно в предреформенный период» [5, с. 4]. Современные исследователи отмечают политический и образовательный факторы развития абхазской интеллигенции – окончательная инкорпорация Абхазского княжества в состав Российской империи и относительная стабилизация образовательной политики [6–9].

При этом следует отметить, что абхазская интеллигенция, в отличие от российской и западной, является уникальной в своем единстве мнений и взглядов по всем проблемам политического, социально-экономического и культурного развития абхазского народа. Если главным признаком российской интеллигенции являлось повышенное состояние гражданской ответственности, стремление к социальной критике своего отечества и, в первую очередь, существующего на тот период правительства, то абхазская интеллигенция была изначально едина в оценке всех сторон жизни абхазского общества. Она определялась как группа людей, имеющих определенный уровень самообразования или образования, полученного в высшем или среднем учебном заведении. Профессиональная деятельность выражалась в реализации функций интеллектуального труда, направленного на созидание личностно-ориентированных основ общественной деятельности, обогащение и развитие социокультурной среды. К ним относятся как лица высокообразованные, так и лица, не имевшие высшего образования, но активно и продуктивно занимавшиеся интеллектуальным трудом. В оценке существования культурного пространства характерны адаптация к природным условиям, среде обитания, социальная организация. Повышенное состояние гражданской ответственности, критика и оценка существовавших проблем были едны среди представителей абхазской интеллигенции вне зависимости от их социального происхождения и уровня образования. По оценкам современных ученых, она отличалась от других аналогичных культурных генераций своею оригинальностью, своеобразием и самобытностью. Это выражалось прежде всего в структурной организации жизни социума, системе ценностей, ориентации человека и его менталитете и ментальности [7, с. 5].

Отличительная особенность абхазской интеллигенции заключалась также в том, что она не была изолирована от остальной части абхазского общества. Наоборот, место интеллигенции в структуре общества играло большую социальную значимость, ее представители были в особом почете и уважении. Этой своей самобытностью национальная абхазская интеллигенция связана с такими важными внешними и внутренними факторами, как географическое положение страны, ее история, религия, политика, культура и традиции.

О присутствии в Абхазии в более ранние времена представителей абхазского населения, которых можно назвать интеллигентами, говорят многочисленные ар-

хивные, археологические, этнографические данные. Уже с первых веков нашей эры происходит формирование абхазской нации, большое распространение получает народное творчество в виде мифологии, языческих культов, преданий, сказаний. Принятие с VI в. православной религии имеет широкое распространение по всей территории Абхазии и представлено в древней архитектуре, живописи, скульптуре, прикладном искусстве. По всей территории Абхазии строилось множество церквей, многие из которых сохранились и в нынешнее время. Средневековая абхазская церковь, имевшая широкие связи с Византией, в свою очередь «повышала уровень цивилизованности абхазской народности» [10]. Сохранившиеся свидетельства средневековых памятников архитектуры, искусства также являются показателем существования абхазской интеллигенции в тот период времени.

И все же, несмотря на наличие большого количества средневековых памятников, зарождение абхазской интеллигенции началось в начале XIX в. и формировалось на протяжении всего XIX столетия. Главная особенность становления абхазской интеллигенции связана с быстро растущим публичным влиянием на все абхазское общество. Сформированная уже к концу XIX в. абхазская интеллигенция стала носителем именно культурной публичности, в первую очередь, в сфере просвещения и образования. Постепенно критерии абхазского интеллигента менялись в зависимости от роста политических, социально-экономических особенностей страны. Уже к началу XX в. благодаря внешним и внутривнутриполитическим факторам происходит переход интеллигенции от культурной особенности к массовой политической общественной публичности. Абхазская интеллигенция становится той частью образованного класса, которая играет активную роль в формировании общественного политического мнения. Главными проблемами были озабоченность судьбами своего народа, стремление к социальной критике, борьбе с тем, что мешает национальному развитию абхазского народа. Эти вопросы продолжали тревожить умы абхазской мысли на протяжении XX в.

Предтечей абхазской интеллигенции необходимо считать представителей высшего сословия Абхазии – абхазских дворян. Они занимались непосредственно своими прямыми обязанностями управления страной. Однако занятие внутренним управлением, а также для ведения внешнеполитических задач, которые стояли перед Абхазским княжеством, требовали от них и собственного обучения. Представители княжеского рода Абхазии – Чачба, Маршания, Инал-ипа и мн. др. свободно владели, помимо своего родного, турецким, грузинским языками. Владелец князь Абхазии Келешбей Чачба также использовал в переписке и переговорах турецкий язык, который еще в 1806 г. в «Просительных пунктах» писал о том, что в случае принятия подданства Российской империи, своего 16-летнего сына отправит в Санкт-Петербург для обучения военной службе, а также «выучить грамоте и другим российским наукам» [11, с. 27–29].

В 1808 г. сын Келешбея, Сефербей (Георгий) Чачба, составляет новые «Просительные пункты» о принятии

Александром I Абхазии под свое покровительство. В них он указывал пункт об отправке детей абхазов на обучение в Санкт-Петербург. «Просительные пункты» о принятии Александром I Абхазии под свое покровительство были составлены 12 августа 1808 г. на грузинском языке в Мегрелии и записаны священником Иоанном Иоселиани [12, с. 8].

Основным показателем интеллигентности является образованность индивида. В начале XIX в. возможность получения образования имели в первую очередь представители социальной элиты. В значительной степени зарождающаяся абхазская интеллигенция состояла именно из них – выходцев из дворянских и княжеских семей, выезжавших за пределы Абхазии в Санкт-Петербург и Москву. Они с легкостью включились в процессы межкультурного взаимодействия, стали первыми представителями абхазской интеллигенции. С целью дальнейшего несения культурного и образовательного уровней владетельные князья постепенно приобщали к этому все абхазское население. В дальнейшем, по мере развития экономических, социальных отношений, обязательными признаками человека умственного труда стало наличие максимально полного образования для всех сословий Абхазии.

В результате вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи встали задачи политического, экономического и культурного развития Абхазии. Как известно, российская администрация прежде всего проявляла заинтересованность в налаживании контактов именно с привилегированными сословиями, в которых видела посредников между собой и всем населением. Российское государство нуждалось в образованных людях как раз среди местного населения, которые должны были служить на различных должностях. Вполне естественно, что занятие такой деятельностью подразумевало наличие образования. Эта задача была возложена в первую очередь на служилое сословие Абхазии. Появляется потребность в изучении русского языка. В первые годы при решении многих внутренних и внешнеполитических проблем владетельного князя Абхазии, а также других представителей дворянского рода сопровождали переводчики.

Население Абхазии говорило на абхазском языке. В Самурзаканской (южной) части Абхазии жители изъяснялись на абхазском и мегрельском языках. По оценкам современников, «везде здесь рассеяны руины и следы древней культуры – остатки греческих колоний и древнего абхазского царства» [13, с. 82, 95–97, 112–118, 155–158].

Практика обучения молодых абхазов, представителей высшего сословия, в Санкт-Петербурге и Москве была связана и с тем обстоятельством, что собственных школ в Абхазии еще не существовало. Задача же получения образования ставилась важной и актуальной как местной знатью, так и российским правительством. Служба являлась естественной повинностью дворянства – служилого сословия, «поэтому на него и была возложена задача культурного развития» [3]. В связи с этим, в первую очередь обучение представителей абхазской знати проходило в военных учебных заведениях Российской империи [7, с. 15]. Так, сын Сефербея (Георгия) Чачба-Шерваши-

дзе Дмитрий с 1812 г. воспитывался в Санкт-Петербурге в Пажеском корпусе. Отправлен он был туда на обучение вместе с двумя «благородными молодыми людьми для образования их в Санкт-Петербурге приличным воспитанием в полезных науках» [5, с. 25]. В 1821 г., после смерти своего отца, Дмитрий вернулся в Абхазию в чине полковника и принял владительство Абхазии. Перед отъездом из Санкт-Петербурга, 07.08.1821, он был принят в Павловском дворце императрицей Марией Федоровной [11, с. 53]. Дмитрий уже к этому времени хорошо владел русским языком. По оценкам современников, он отчаянно взялся за управление краем и стремился «создать вокруг себя нечто подобное величию владетельных особ Европы» [14, с. 406]. Однако его планам не удалось сбыться, через год после своего княжения Дмитрий заболел и умер.

В 1826–1831 гг. в Пажеском корпусе обучался младший сын того же владетеля Константин Георгиевич Чачба. В Петербурге он оказался после восстания декабристов. Пребывание Константина там оказало важное влияние на формирование его общественно-политических взглядов.

После смерти Дмитрия Чачба владетелем Абхазского княжества стал Михаил Георгиевич Чачба. Он получил горское воспитание у убыхского князя Хаджи Берзека Дагумоко. По оценкам современников, знание природы родного племени и умение ладить с русскими дали ему возможность править страной в течение 44 лет [15, с. 262].

До 1827 г. Михаил Чачба находился в Тифлисе в штабе главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. Здесь он обучился русской грамоте, «научился хорошо говорить по-русски и даже писать» [16, с. 158]. Владетельный князь проводил большую работу по экономическому и культурному развитию страны, осуществлял военные операции и мероприятия по вхождению горных районов в состав Российской империи, принимал законы, которые положительно оценивались местным населением, а также российским правительством. В рапорте А. И. Будберга Главнокомандующему отдельного Кавказского корпуса М. С. Воронцову от 7 сентября 1946 г. отмечается: «Нововведенные владетелем Абхазии в подвластном ему крае постановления взамен старых известных законов и обычаев, имели благоприятное влияние в народе, особенно в низшем классе, который принял их с восторгом... Учреждением судов и сельских старшин из дворян вроде земской полиции и постановление строгих наказаний за нарушение новых законов дает возможность к действительному их применению. <...> Самурзаканцы начинают увлекаться примером Абхазии и по предложению начальника 3-го отделения генерал-майора Гогенбаха намерены составить народное собрание о принятии новых абхазских постановлений...» [11, с. 181].

До 1840-х гг. интеллигенция формировалась, в основном, из дворянской среды. Постепенно в ряды интеллигенции влились и представители других слоев населения. Так, в 1849 г. владетельный князь Абхазии Михаил Чачба направился в Санкт-Петербург с большой свитой, в которую входили князья, дворяне, а также представители крестьянского населения Абхазии [там же, с. 195–196].

Однако практика обучения абхазских детей в учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы не всегда приводила к положительным результатам. Плохие погодные условия, слабое здоровье отправленных на обучение детей, неприспособленность к климату и мн. др. факторы во многом способствовали неблагоприятному, а порой и трагичному исходу. Во многих отчетах отмечалось, что отправленные в Петербург дворяне так и не достигли своей цели [там же, с. 161]. В рапорте от 01 апреля 1844 г. от общества Псху говорится, что «для отправки в Санкт-Петербург были подготовлены 21 детей, из которых 7 княжеского рода, 12 дворянского, и 2 из крестьян». Однако по причине опасения погодных условий и плохого здоровья дети были оставлены для получения образования в «значительнейших домах Абхазии по выбору владельца», другая часть – в местности Бамбора для получения воспитания. Среди детей двое были женского пола [там же, с. 168].

Со временем перед абхазской знатью и местной администрацией встала задача развития собственной сети школ в Абхазии для обучения грамотности всего абхазского населения [7, с. 35]. В рапорте исполняющего дела начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарту за 1944 г. об учреждении школ отмечается важность развития сети школ для получения образования среди абхазского населения: «... Со своей стороны я имею честь докладывать <...>, что, по мнению моему, это единственное средство, которое мы с пользою употребить можем, чтобы образовать между горцами новое поколение, могущее принести в дела народные понятия менее дикие, большую доверенность и видам правительства и менее шаткую признательность за полученные beneficia». Чиновники были убеждены в необходимости этой меры «хотя на учреждение школ на береговой линии не получено еще разрешения, но я пользуюсь сим случаем, чтоб возобновить о сем ходатайства моего предместника, и всепокорнейшее просить ваше высокопреосвященство об испрошении высочайшего соизволения, чтоб аманатов как псхувских, так и тех, кои впредь будут взяты от племен восточного берега, оставлять в этих школах для воспитания, отправляя в Санкт-Петербург только достойнейших, в виде особой награды, по достижении известного возраста и не иначе, как с согласия родителей» [11, с. 168–169].

Система образования, введенная российским правительством в Абхазии, стала основополагающим фактором в процессе становления абхазской интеллигенции. Постепенное развитие образования оказало влияние на развитие всех сфер жизни абхазского общества – проникнувшихся идеей всеобщего распространения грамотности и образованности, постоянно работавших над собой и расширявших свой кругозор.

Первая школа в Абхазии была открыта в Сухуме в 1852 г. для воспитания детей туземцев, «в котором предполагалось обучать детей, приготавливающихся и не для духовного звания...» [17, с. 233, 237, 238].

После получения начального образования в школах Абхазии молодые абхазы продолжали обучение в учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга, других городах

Кавказского и Закавказского краев. В Отчете за 1852 г. говорится об отправке детей для воспитания в Россию или училища, находящиеся в Закавказском крае [11, с. 222]. В собственно Абхазии высокой концентрации абхазской интеллигенции достигают г. Сухум и восточная часть Абхазии. Здесь было сосредоточено наибольшее количество школ.

Что касается обучения абхазов за границей, то следует отметить, что это оказалось наиболее тяжелым видом получения образования для абхазского населения, в том числе и для высшего сословия. Это было связано, в первую очередь, с большими расходами. Данный вид обучения мог существовать только при исключительном и преимущественном существовании на доходы в виде оплаты своего умственного труда. Эта возможность была реализована отдельными представителями абхазской интеллигенции уже в значительно поздний период абхазской истории. С конца XIX – начала XX столетия уже ставшие известными абхазские художники, работники образования проходили обучение и даже работали на европейских культурных площадках, представляя свое творчество.

Первыми представителями абхазской интеллигенции начала XIX в., которые работали непосредственно в области развития народного образования и науки, были Николай Шакрыл и Соломон Званба.

Николай (Эмин) Шакрыл родился в с. Лыхны. В 1824 г. начальник Абхазского отряда А. Г. Пацовский отправил его на учебу в Пажеский корпус г. Санкт-Петербурга, где он оказался свидетелем важных событий, происходивших в Российской империи. После окончания учебы Н. Шакрыл прошел службу при дворе абхазского владетельного князя и вместе с Соломоном Званба работал в качестве переводчика и проводника.

В 1834–1835 гг. по поручению командующего войсками в Абхазии А. Г. Пацовского прапорщик Черноморского Линейного 5-го батальона Н. Шакрыл постоянно находился при бароне Ф. Ф. Торнау во время сбора физико-географических, историко-этнографических, лингвистических, статистических данных об Абхазии, а также сведений с «языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью» [7, с. 34]. Им были подготовлены письма на турецком языке абазинским князьям Лоо с предложением посредничества при их вхождении в состав Российской империи.

По воспоминаниям Ф. Ф. Торнау Николай Шакрыл служил «как нельзя лучше» [18, с. 23–49]. Он пишет о деятельности Николая Шакрыл и Соломона Званба: «Шакрылов (Н. Шакрыл. – И. Д.) говорил равно хорошо по-русски, по-абхазски и по-турецки, знал основательно свою родину, и к этим качествам <...> присоединял еще и большую смелость... Он и другой абхазец, Цонбай (С. Званба. – И. Д.), первые решились вступить еще молодыми людьми в русскую военную службу. Пацовский, желая этим способом составить новую связь с абхазцами, <...> в несколько лет образовал из них прекрасных офицеров, не в чем не отстававших от своих русских товарищей...» [11, с. 98].

После трагической смерти Н. Шакрыл в 1835 г. работу по изучению Абхазии Ф. Ф. Торнау продолжил его старший

брат Мута Шакрыл. По сведениям Ф. Ф. Торнау, в исследованиях помогала и вдова Николая Шакрыл, владевшая русским языком. Ф. Ф. Торнау продолжил изучение «языков и наречий, находившихся в употреблении за Кубанью». Его «учителями» были один из братьев абазинских князей Лоо – Мамат-Кире, а также, как мы уже упоминали, большую помощь оказывал и брат Николая Мута Шакрыл.

Николай Шакрыл вошел в историю как один из первых интеллигентов Абхазии. Следует отметить его неоценимую заслугу при сборе физико-географических, историко-этнографических, лингвистических, статистических сведений об Абхазии.

Соломон Теймурович Званба – первый абхазский ученый, этнограф, представитель абхазской интеллигенции начала XIX в. С целью сбора этнографических материалов, он объездил всю территорию Абхазии. Помимо русского, турецкого и абхазского языков С. Званба свободно читал и писал на французском.

С. Т. Званба родился в с. Дранда в дворянской семье, в 1824 г. он был взят на воспитание начальником Абхазского отряда полковником А. Г. Пацовским, а в 1826 г. отправлен в г. Санкт-Петербург вместе со старшим сыном абхазского владетеля Константином Георгиевичем Шервашидзе (Чачба). В 1828 г. С. Т. Званба был определен в Дворянский полк.

На развитие общественно-политических взглядов и научной мысли С. Т. Званба решающее значение сыграло его пребывание в г. Санкт-Петербурге и общение с представителями передовой русской общественности. Позже, в 1832 г., во время службы на Кавказе на Черноморской береговой линии его непосредственным командиром был Н. Н. Раевский (младший), здесь же служили декабристы А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, М. М. Нарышкин. С. Т. Званба был знаком с А. А. Бестужевым-Марлинским, сыгравшим большую роль в развитии русского кавказоведения.

С 1833 г. С. Т. Званба, достаточно подготовленный, равно знающий абхазский и русский языки, стал личным секретарем абхазского владетеля для помощи в переписке с российскими властями. В мае 1842 г. С. Т. Званба сопровождал в г. Санкт-Петербург представительную делегацию садзских (джигетских) князей, направленную указанными горскими сообществами для личных переговоров с Российским императором Николаем I. После поездки, в 1843 г., С. Т. Званба стал приставом Джигетии, а затем возглавил войсковые части и милицейские подразделения в Цебельде. В 1848 г. в силу «служебной опытности и знания воинского дела» С. Т. Званбу произвели в чин подполковника. Вскоре после этого, он стал участником в качестве посредника в сложных переговорах между российской военной администрацией и горскими сообществами, угрожавшими прибрежному Навагинскому форту. В дальнейшем он командовал несколькими отдельными линейными батальонами, которые были задействованы в активной борьбе с морскими контрабандистами и местными работниками. Успешная деятельность С. Т. Званба была отмечена российскими государственными наградами (орден Св. Владимира IV степени, орден Св. Станислава IV степени, орден Св. Георгия IV степени, орден Св. Анны III сте-

пени), также именной золотой шпагой. Блестящая карьера талантливого офицера трагически оборвалась в 1855 г. во время командования им 11-м Михайловским крепостным пехотным батальоном. Соломон Званба участвовал в ожесточенном сражении с десантом Омер паши на р. Ингур в период Крымской войны, в котором получил смертельное ранение.

Военные заслуги С. Т. Званба, проявившего себя храбрым и талантливым военачальником во время Крымской войны, были официально признаны главнокомандующим Кавказской армии Н. Н. Муравьевым (Карсским) и руководителем военных операций в Западной Грузии генералом И. К. Багратион-Мухранским.

В силу своего служебного положения С. Т. Званба приходилось часто разъезжать по Абхазии. Это давало ему возможность близко общаться с населением, изучать его быт, нравы и обычаи, накапливать этнографический материал.

Первые очерки С. Т. Званба были опубликованы в газете «Кавказ». Он являлся знатоком абхазских обычаев и вдумчивым исследователем национальной духовной культуры, что отразилось в целом ряде исторических и этнографических произведений: «О Гагре и джигетах» (середина 40-х гг. XIX в.), «Зимние походы убыхов на Абхазии» (1852), «Обряд жертвоприношения Святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазами» (1852), «Поцелуй за занавесом» (1853), «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии» (1855). Позднее его труды вошли в сборник «Абхазские этнографические этюды». Последовательный интерес к родной истории и национальной культуре, наряду с несомненной образованностью и неизменным стремлением действовать в общественных интересах, позволяют рассматривать С. Т. Званба как своеобразного предшественника региональной этнической интеллигенции. К. А. Бороздин, хорошо знавший С. Т. Званба, писал, что он был «очень начитанным и развитым человеком». По словам М. О. Косвена, «этнографические сведения С. Т. Званба составили значительный вклад в абхазоведение» [9, с. 41–44].

Важнейшим фактором, существенно ускорившим последовательное формирование интеллигентского сообщества в Абхазии, стало издание литографированной грамматики абхазского языка в 1862 г., осуществленное на основе бзыбского диалекта П. К. Усларом. По мнению выдающегося абхазского писателя и общественного деятеля Д. И. Гулиа, учебное пособие «сохранило речь абхазского народа и сделало ее доступной ученому миру <...> труд Услара, как первый шаг в области абхазского языковедения» [19, с. 3]. В том же 1862 г. особой комиссией на основе буквенных начертаний П. К. Услара с небольшими изменениями был составлен «Абхазский букварь» с параллельным переводом на русский и грузинский языки. Он был издан в Тифлисе в 1865 г. Особую комиссию возглавлял И. А. Бартоломей (руководитель «Общества восстановления православного христианства на Кавказе»), в нее входили Д. П. Пурцадзе (чиновник по особым поручениям при наместнике Кавказа и заведующий делопроизводством

«Общества восстановления православного христианства на Кавказе»), В. Г. Триогов, а также И. Гегия, Г. Курцикидзе и С. Эшба.

Работы С. Т. Званба по этнографии абхазов сыграли важную роль в деле изучения этнографического быта абхазского народа и знакомства русского читателя с этим бытом и представляют интерес и ныне при изучении мифологии, религии, этнографии, обычаев, народных праздников и обрядов абхазов.

Таким образом, распространение в среде абхазского населения грамотности путем развития сети школ привело к увеличению численности образованных людей, что, в свою очередь, способствовало повышению культурных потребностей всех слоев абхазского общества и демократизации культуры [20, с. 4]. Распространение просвещения и образования среди местной княжеской знати, начавшееся с вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи, привело к формированию национальной интеллигенции. Абхазы, выезжавшие на обучение за пределы Абхазии в Санкт-Петербург и Москву, с легкостью включались в процессы межкультурного взаимодействия. После обучения они продолжали деятельность в Абхазии по изучению и распространению образования, культуры и социально-экономического развития Абхазии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Ожеров, С. И. Толковый словарь. – URL: <http://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 23.09.2024).
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. – URL: www.slovardzlja.net (дата обращения: 23.09.2024).
3. Туган-Барановский, М. И. Интеллигенция и социализм / М. И. Туган-Барановский. Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 419–439.
4. Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад / В. И. Ленин. полн. собр. соч. Т. 8. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – С. 185–414.
5. Дзидзария, Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции / Г. А. Дзидзария. – Сухум: Изд-во «Алашара», 1979. – 354 с.
6. Дамения, О. Н. Беседы о культуре / О. Н. Дамения. – Сухум: Абгосиздат, 2017. – 350 с.
7. Дамения, И. Х. Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений 19–нач. 20 вв. / И. Х. Дамения. – СПб.: Общество «Знание России», 1994. – 72 с.
8. Лакоба, С. З. Из века в век: историко-культурные очерки / С. З. Лакоба. – Сухум: АБИГИ, 2022. – 416 с.
9. Трапш, Н. А. Формирование абхазской этнической интеллигенции во второй половине XIX – начале XX столетия / Н. А. Трапш // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. – 2011. – № 2. – С. 41–44.
10. www.apsuaga.info (дата обращения: 23.04.2025).
11. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859): сб. документальных материалов. Т. 2. – Сухум: АБИГИ им Д. И. Гулиа, 2011. – 292 с.

12. Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. – Венден, 1913. – 112 с.
13. Дюбуа де Монперэ, Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. / Ф. Дюбуа де Монперэ. – Сухум: АБГИЗ, 1937. – 180 с.
14. Антелава, И. Г. Из истории крестьянской реформы в Абхазии / И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария, А. А. Олонецкий // Исторический архив. Т. V. – М., 1950. – С. 392–453.
15. Филиппсон, Г. И. Воспоминания / Г. И. Филиппсон. – М.: В Университетской тип. (М. Катков), 1885. – 361 с.
16. Дьячков-Тарасов, А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии / А. Н. Дьячков-Тарасов // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. – 1909–1910, Т. 20, вып. 2. – С. 149–210.
17. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В XIII т., т. X, ч. I. – Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1885. – 982 с.
18. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера / Ф. Ф. Торнау. – М.: «АИРО – XXI», 2008. – 456 с.
19. Гулиа, Д. И. Материалы по абхазской грамматике / Д. И. Гулиа. – Сухум: Издание Наркомпроса ССР, 1927. – 40 с.
20. Фадеев, А. В. Идеиные связи и культурная жизнь народов дореформенной России / А. В. Фадеев. – М.: Наука, 1966. – 154 с.

References

1. Ozhegov, S. I. Tolkovii slovar' [Explanatory Dictionary]. – URL: <http://slovarozhegova.ru> (accessed: 23.09.2024).
2. Dahl, V. Tolkovii slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. – URL: www.slovardzlja.net (accessed: 23.09.2024).
3. Tugan-Baranovsky, M. I. Intelligenciya i socialism [The Intelligentsia and Socialism] / M. I. Tugan-Baranovsky. Milestones; Intelligentsia in Russia: Collection of papers from 1909–1910. – Moscow: Molodaya Gvardiya. 1991. – P. 419–439.
4. Lenin, V. I. Shag vpered, dva shaga nazad [Step forward, two steps back] / V. I. Lenin. Complete Works. Vol. 8. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1967. – P. 185–414.
5. Dzidzaria, G. A. Formirovanie dorevolyutsionnoi abkhazskoi intelligencii [Formation of the pre-Revolutionary Abkhazian Intelligentsia] / G. A. Dzidzaria. – Sukhumi: Alashara Publishing House, 1979. – 354 p.
6. Damiya, O. N. Besedy o kulture [Conversations on Culture] / O. N. Damiya. – Sukhumi: Abgosizdat, 2017. – 350 p.
7. Damiya, I. Kh. Rossiya. Abkhaziya. Iz istorii kulturnih vzaimootnoshenii 19-nach. 20 vv. [Russia. Abkhazia. From the history of cultural relations in the XIX-early XX centuries] / I. Kh. Damiya. – St. Petersburg: Znanie Society of Russia, 1994. – 72 p.
8. Lakoba, S. Z. Iz veka v vek. Istoriko-kulturnie ocherki [From century to century. Historical and cultural essays]

- / S. Z. Lakoba. – Sukhum: AbIGI [Abkhazian Institute of Humanitarian Research], 2022. – 416 p.
9. Trapsh, N. A. Formirovanie abkhazskoi etnicheskoi intelligencii vo vtoroi polovine XIX-nachale XX stoletiya [Formation of the Abkhazian ethnic intelligentsia in the second half of the XIX-early XX centuries] / N. A. Trapsh // Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region [News of universities. North Caucasus Region]. – 2011. – No. 2. – P. 41–44.
 10. www.apsuara.info (дата обращения: 23.04.2025).
 11. Materialy po istorii Abkhazii XVIII-XIX veka [Materials on the history of Abkhazia in the XVIII-XIX centuries]. (1762–1859). Collection of documentary materials. Vol. 2. – Sukhum: Abkhazian Inst. of Humanitarian Research named after D. I. Gulia, 2011. – 292 p.
 12. Materialy i zapiski po voprosu o vladatelskikh i imuschestvennykh pravakh potomkov svet. Knyazya Mikhgaila Shervashidze, poslednego vladatelya Abkhazii [Materials and notes on the issue of the possessory and property rights of the descendants of Prince Mikhail Shervashidze, the last ruler of Abkhazia]. – Venden, 1913. – 112 p.
 13. Dubois de Montpere F. Puteshetvie vokrug Kavkaza [A Journey around the Caucasus], Vol. I. / Dubois de Montpere F. – Sukhumi: AbGIZ, 1937. – 180 p.
 14. Antelava, I. G. Iz istorii krestyanskoi reformy v Abkhazii [From the history of the Peasant Reform in Abkhazia] / I. G. Antelava, G. A. Dzidzaria, A. A. Olonetsky. Historical Archive. Vol. V. – Moscow, 1950. – P. 392–453.
 15. Filipson, G. I. Vospominaniya [Memories] / G. I. Filipson. – Moscow: University Printing House (M. Katkov), 1885. – 361 p.
 16. Dyachkov-Tarasov, A. N. Abkhaziya i Sukhum v XIX stoletii [Abkhazia and Sukhum in the XIX century] / A. N. Dyachkov-Tarasov // Proc. of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. – 1909–1910, Vol. 20, Issue 2. – P. 149–210.
 17. Akty sobrannye Kavkazskoi arheografichskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. In XIII volumes, Vol. X, part I. – Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1885. – 982 p.
 18. Tornau, F. F. Vospominaniya kavkazskogo oficera [Memoirs of a Caucasian officer] / F. F. Tornau. – Moscow: ALRO-XXI, 2008. – 456 p.
 19. Gulia, D. I. Materialy po abkhazskoi grammatike [Materials on Abkhaz Grammar] / D. I. Gulia. – Sukhum: Publishing House of the People's Commissariat of Education of the SSR, 1927. – 40 p.
 20. Fadeev, A. V. Ideinie svyazi i kulturnaya zhizn' narodov doreformennoi Rossii [Ideological connections and cultural life of the peoples of Pre-Reform Russia] / A. V. Fadeev. – Moscow: Nauka, 1966. – 154 p.

Информация об авторе:

Дамения Ирина Хухутовна – кандидат исторических наук, ООО «Издательство "Юридический центр"», генеральный директор; ORCID iD 0009-0005-7712-5682 (191124, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Тверская, д. 20, кв. 99; e-mail: damenia@rambler.ru).

Author:

Irina H. Damenia – Cand. Sci. (History), General Director of LLC "Publishing House "Law Center" (20, Tverskaya st., flat 99, St. Petersburg 191124, Russian Federation. e-mail: damenia@rambler.ru).

Для цитирования:

Дамения, И. Х. Зарождение абхазской интеллигенции в начале XIX века / И. Х. Дамения // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 33–39.

For citation:

Damenia, I.Kh. The emergence of the Abkhazian intelligentsia in the early XIX century / I. Kh. Damenia // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 33–39.

Дата поступления статьи: 07.07.2025

Прошла рецензирование: 10.07.2025

Принято решение о публикации: 18.07.2025

Received: 07.07.2025

Reviewed: 10.07.2025

Accepted: 18.07.2025